

— **Н**а старт приглашается...

Я сидела на трибунах и глотала слезы. Вокруг меня шумели немногочисленные зрители: родители спортсменов, их друзья или просто те, кто занимался в одном клубе. А я просто сидела, мрачно смотря на боевое поле — именно так называется манеж для соревнований.

Финальный тур отборочных соревнований всегда самый зрелищный, именно по его результатам и формируется городская сборная. Всадники один за другим выезжали на белоснежный песок, выполняли программу езды и уходили, а я просто смотрела, хотя должна была быть среди них. Я была одной из главных претенденток и вполне могла бы побороться за медаль, если бы за неделю до стартов у меня не отобрали лошадь.

Я всхлипнула. Предатели, какие же все предатели! И тренер, и мой Василек, который под другим всадником исполнял все то, что мы разучивали на тренировках: переходы, остановки, подъемы в галоп... Под Риткой.

— Ты же понимаешь, Маргарите эти соревнования нужнее, — пряча от меня взгляд, оправдывалась Анастасия Леонидовна, наш ачальник конной части, а попросту начкон.

— Неужели? — фыркнула я. — Она ведь прошлый этап еле проехала.

Мой тренер Яна, стоящая за ее спиной, только сокрушенно покачала головой.

— У нее же конь захромал, и вот...

— А обо мне вы подумали? — выкрикнула я. — Я столько сил потратила на эту лошадь!

— Ольга, ты же понимаешь, что Василек не твой, а клубный, — строго оборвала меня Мария Петровна. — И у тебя все равно не хватит денег на сборы и соревнования. Так что давай без истерик.

Возражать не стала, прекрасно понимая, что бесполезно. Анастасия Леонидовна была права: конный спорт — удовольствие не из дешевых, и вряд ли мои родители могли бы потянуть все это.

А вот Рита, из-за которой я осталась без лошади, была дочерью мэра нашего города. И прекрасно знала, что за деньги могут сделать многое. Тренировки моя соперница, а теперья, посещала нерегулярно, лошадь, купленную за границей, ей всегда чистили и сделали. Все это было возможно, поскольку мэр щедро платил за то, чтобы дочь могла блеснуть в белых бриджах, темно-сиреневом рединготе, шлеме с узорами из страз и белоснежных перчатках.

Перчаткам я завидовала больше всего: удобные, легкие, они прекрасно садились по руке, а тыльная сторона липучки тоже была усыпана стразами, которые так и переливались на солнце. Я мечтала, что однажды куплю точно такие же и буду выступать в них.

О собственном шлеме и рединготе я даже не мечтала. У меня вообще ничего не было, кроме трикотажных лосин, жилета и огромного желания заниматься верховой ездой. Я приходила в клуб почти ежедневно, помогала чистить, седлать, убирать денники — помещения, где стоят лошади. А еще я старалась подсмотреть тренировки, вызывалась погонять лошадей на корде — специальной веревке, позволяющей контролировать лошадь без всадника на спине.

Как я радовалась, когда наконец мне дали лошадь для подготовки к соревнованиям, хотя от Василька на тот момент отказались все. Приехавший за компанию с Риткиным, этот конь был очень зажатым, а стоило немного потянуть за повод, мгновенно срывался в галоп.

Мне стоило большого труда завоевать его доверие и объяснить, что так делать не стоит. Я даже несколько раз падала, старательно скрывая от мамы синяки, но результат того стоил. Я почти не сомневалась, что мы с Васильком сможем выиграть. Когда нас увидела Рита и сказала папе, что хочет выступать именно на этом коне. Возразить никто не посмел — так я осталась без лошади и соревнований.

— Ты можешь проехать на ком-нибудь другом, сложно что ли? — Пыталась на следующий день в школе приободрить меня подруга Лика, когда я на перемене рассказала ей о том, как со мной поступили. До соревнований оставалось шесть дней, и Лика хотела узнать, когда езды, чтобы поддержать меня.

— Лик, это не вариант, — покачала головой я. — Я на Васильке год езжу и только стало получаться, а тут новая лошадь, да и все хорошие

уже разобраны. Ехать ради того, чтобы ехать, не стоит — финал все-таки.

— Да, попадалово, — вздохнула подруга. — Вот чего она к твоей лошади прицепилась?

— Потому что ее собственная хромает. Ездит же через пень-колоду, — мрачно отозвалась я. — Неделю не занимается, потом сразу по два часа гоняет... а берейтора нанимать не хочет.

— Кого?

— Ну того, кто каждый день лошадь работать будет.

— Работать? Это как?

— Выезжать в смысле. Лошадь же не сама по себе всадника везет. Это, вообще-то, кропотливый труд, — я повторила слова, которые говорила мой тренер.

Лица покивала, но я была уверена, что она сразу же забудет обо всем, что я сказала, — так всегда случалось. Подруга хотела быть блогером, и ничего другое, кроме видеороликов, ее не интересовало.

— Ну вот Ритка так не думает, — продолжила я. — Считает, что она звезда и сама все может. Результат налицо. Уже пятую лошадь меняет. Они у нее все встают.

— Куда встают?

— В очередь за хлебом! — фыркнула я и потом объяснила. — Понимаешь, лошадь должна бежать свободно, если этого не происходит, и лошадь не хочет двигаться, это означает, что она встала. Очень сложно потом вывести ее из этого состояния. Василек такой же был, когда мы начинали.

Я вспомнила апатичного коня, к которому меня подвели год назад со словами «Ну, может, получится...» Он семенял и зажимал спину так, что сидеть было едва возможно. Мне понадобилось очень много времени, чтобы расслабить его. Хорошо, что у нас в клубе проводились семинары с главным тренером городской сборной и мне удалось на них попасть. Сейчас, благодаря почти ежедневным занятиям, у Василька горели глаза, и он бежал очень легко, точно плыл по песку. Вспомнив это, я помрачнела:

— А теперь она и Василька угробит...

— Да уж... попадалово, — вздохнула подруга и сразу же оживилась. — Слушай, у меня идея! Пусть ее Василек подставит!

— Что? — не поняла я. — Как ты себе это представляешь?

— Ну ты же сама говоришь, он тебя беспрекословно слушает! Вот и подговори его!

Я только вздохнула в ответ. Лика была моей лучшей подругой, но при этом ее вера в чудеса меня просто бесила. Сейчас, судя по ее словам, она явно начиталась книг про приключения черного красавца — вороного коня, которому в девятнадцатом веке волею судеб пришлось испытать на себе все тяготы лошадиной жизни. Или просто насмотрелась американских фильмов про лошадей и подростков. На меня эти фильмы нагоняли тоску.

Лошади, конечно, умные животные, но вряд ли у меня получится объяснить Васильку, что надо сбросить Риту, причем сделать это именно перед судьями. Да и какая участь ждет потом коня? В лучшем случае его начнут наказывать, в худшем... О худшем думать не хотелось, хотя я прекрасно знала, сколько лошадей каждый год попадает на бойню и как многие «группы поддержки» зарабатывают деньги, якобы вызволяя оттуда «несчастных животных, которых предали». Правда, цены в этих группах были завышены в два, а то и в три раза.

— Нет, Лик, — я помотала головой. — Это так не работает. Василек выполняет все, потому что я сижу на нем и управляю. К тому же

он знает схему, поэтому Ритка в любом случае на нем проедет.

— Да? Ну ладно, — подруга отмахнулась, не желая выслушивать мои лекции о верховой езде. — Но было бы круто, если бы она обломалась. Может ей подпругу подрезать?

— Лика! — возмутилась я. — Это неспортивно! И вообще, ты знаешь, что такое подпруга?

— Что-то, связанное с седлом? — беспечно откликнулась она и добавила. — Жаль, что нельзя. Вот классно было бы, если бы Ритка посреди выступления грохнулась!

С этим я была полностью согласна, но сказать ничего не успела. Наш разговор прервал звонок, и нам пришлось идти в класс. Уроки литературы я не любила: там были сочинения, которые надо было писать строго по образцу и заученными фразами. Мое мнение о произведении никого не интересовало.

— Я придумала, — зашептала Лика, когда мы расселись по местам, а учительница отвернулась к доске, записывая тему. — Надо запереть Ритку в туалете, чтобы она пропустила свой выход.

— У нее коноводы и тренер, — таким же шепотом отозвалась я. — Мигом откроют.

